

Цюй Эрню не стал церемониться, отдельно отсчитал двадцать пять монет Цюй Даню и специально предупредил:

— Старший брат, вот двадцать пять монет, возьми их и спрячь хорошенько.

Сам же Цюй Эрню оставил у себя только пятнадцать монет, спрятав остальные деньги за пределами деревни, и только после этого повёл Цюй Даню в деревню.

Как и следовало ожидать, благодаря нервному и неумелому представлению Цюй Даню, старуха Цюй своим зорким глазом сразу заметила, что братья что-то прячут.

Старуха Цюй чуть не устроила в семье Цюй настоящий переполох, но на этот раз она хотя бы помнила, что ссориться нужно в доме, чтобы соседи не смеялись.

Увидев в общей сложности сорок медяков и новую ленту для волос у второго сына, старуха Цюй обрушила на них поток брани, одновременно решив, что она уже опустошила кошельки обоих братьев.

Цюй Даню, опустив глаза, взглянул на младшего брата, вспомнив, что тот говорил, что на эти двадцать пять монет можно купить яйца у соседей, чтобы подкормить четвёртую дочь. Он уже было хотел попытаться выпросить эти деньги, но увидел, как Цюй Эрню незаметно покачал головой. С одной стороны, он был разочарован, с другой — почувствовал облегчение.

Разобравшись с сыновьями, старуха Цюй подумала, что, глядя на виноватый и облегчённый вид Цюй Даню, даже если дать ему деньги, он всё равно не осмелится их потратить!

На самом деле, за те несколько дней, что Цюй Даню и Цюй Эрню отсутствовали, старуха Цюй жила не сладко, так как новости из уездного управления каким-то образом быстро дошли до деревни Цюйцзя.

Некоторые болтливые женщины весь день смеялись над старухой Цюй, говоря, что она совсем спятила, хотела подчинить четвёртого сына, но в итоге сама оказалась в дураках, и теперь у неё больше не будет денег.

Старуха Цюй, разозлившись, обругала их всех, но всё же Цюй Сыню оставался её сыном, и каждый месяц он должен был давать ей деньги, а если не даст, она снова пойдёт жаловаться!

Деревня Цюйцзя бурлила из-за выходок старухи Цюй, а в эти же дни в семье Лян тоже произошло несколько событий.

Лян Каншэн и его семья не рассказали отцу Лян и госпоже Чжуан о происшествии в уездном управлении, представив всё так, будто они просто съездили в уезд, как обычно. Однако на следующее утро Чжуан Цинцзэ прибежал к семье Лян и с преувеличениями рассказал о вчерашних событиях.

Чжуан Цинцзэ с беспокойством на лице сказал:

— Сестра, зять, не хочу вмешиваться, но мне кажется, что это дело нечисто. Наш Каншэн ведь учёный человек, теперь, с благословения предков, он прошёл окружной экзамен, остался только академический экзамен, чтобы стать дипломированным учёным. Как он мог вмешаться в дела семьи Цюй!

Не зная подробностей госпожа Чжуан, видя, как её брат волнуется, поспешно спросила:

— Младший брат, о чём ты говоришь? Мы с твоим зятем ничего не знаем.

— Вчера свекровь тёщи подала на родителей Каншэна в уездное управление, обвинив их в неблагочестии! — Чжуан Цинцзэ ударил по столу. — Сестра, зять, скажите, кто из родителей станет плохо обращаться с собственными детьми? Наверняка это дети перешли все границы, вынудив стариков пойти на такой шаг.

— Если даже клан Цюй не вмешался, то нам тем более не стоит участвовать. Но кто бы мог подумать, что этот глупый Каншэн побежал защищать своих тещу и тестя! Вы только представьте, как это может отразиться! Сегодня я, просто слушая, как другие обсуждают это, покрылся холодным потом. Почему ваш зять его не остановил?

Чжуан Цинцзэ говорил с большим энтузиазмом, с выражением заботы и беспокойства уговаривая отца Лян и госпожу Чжуан повлиять на Лян Каншэна, одновременно намекая на Цюй И.

Изначально отец Лян и госпожа Чжуан думали, что произошло что-то серьёзное, но услышав, что старуха Цюй подала на родителей Цюй И в уездное управление, они лишь недоумённо моргнули.

Если бы это произошло до того, как старуха Цюй сама пришла в дом Лянов, они, возможно, действительно подумали бы, как и сказал Чжуан Цинцзэ, что, возможно, Цюй Сыню и его жена действительно плохо обращались со старшими.

Но после встречи со старухой Цюй они уже прониклись убеждением, что она несправедлива, и подумали, что Цюй Сыню и его жена — честные люди, не похожие на неблагочестивых.

Чжуан Цинцзэ долго и эмоционально говорил, но, видя, что его сестра и зять никак не реагируют, решил, что они не понимают «важности» этого дела.

Сделав глоток чая, Чжуан Цинцзэ серьёзно начал анализировать, как это может повлиять на Лян Каншэна:

— Наш Каншэн — учёный человек, а для учёного репутация важнее всего.

— Сестра, подумайте, если Каншэн получит плохую репутацию у уездного начальника, а также у учителей и одноклассников, других учёных в нашем уезде...

Отец Лян, считая, что шурин говорит чепуху, поднял руку, чтобы его остановить:

— Младший брат, ты же только что сказал, что уездный начальник ничего не сказал?

Чжуан Цинцзэ, глядя на отца Лян, с глубокомысленным видом ответил:

— Сердца людей скрыты за грудью. Уездный начальник мог ничего не сказать в зале суда, но что, если у него осталось плохое впечатление?

— Родители тёщи тоже устроили переполох, семейные дела можно было решить мирно, зачем доводить до суда, устраивая шум, который всех беспокоит и даёт повод для сплетен.

— Если кто-то неправильно поймёт и начнёт распространять слухи, это может серьёзно повлиять на Каншэна.

Госпожа Чжуан наконец поняла, о чём беспокоится её брат: он боялся, что кто-то может

опорочить Лян Каншэна.

Она подумала, что Каншэн, как зять, должен помогать своим теще и тестю, и было бы неправильно не помочь, если только Цюй Сыню и госпожа Мэн не сделали что-то плохое.

Чжуан Цинцзэ и госпожа Чжуан мыслили по-разному, так как он редко бывал в доме Лянов после женитьбы Лян Каншэна и не знал, что госпожа Чжуан и отец Лян уже приняли Цюй И как своего зятя и были довольны его родителями.

В итоге Чжуан Цинцзэ продолжал говорить, не подозревая об этом, а отец Лян и госпожа Чжуан не проявляли особого интереса, что вызвало у Чжуан Цинцзэ подозрения.

Лян Догу, получивший указание от Лян Каншэна, побежал на винокурню за своим молодым господином, как только Чжуан Цинцзэ вошёл в дом. Лян Каншэн и Цюй И вернулись как раз вовремя, чтобы разрядить «неловкость» в комнате.

Чжуан Цинцзэ, повернувшись к Лян Каншэну, сказал:

— Каншэн, ты слишком наивен, не слушай, что говорят другие. Ты ведь уже почти сдал академический экзамен и станешь дипломированным учёным, нужно быть внимательным...

Говоря это, он время от времени поглядывал на Цюй И, и его намёк был очевиден.

— Кх-кх, кх-кх. — Лян Каншэн внезапно начал сильно кашлять, успешно прервав речь Чжуан Цинцзэ, который почувствовал, будто ударил кулаком по вате.

Однако, глядя на худое тело племянника, его бледное лицо и обеспокоенные лица сестры и зятя, он почувствовал тайное удовлетворение. Скоро его план осуществится.

Лян Каншэн кашлял ещё некоторое время, прежде чем хриплым голосом слабо произнёс:

— Дядя, в этом году мне удалось сдать окружной экзамен, но что будет с академическим экзаменом в следующем году, пока неизвестно. Я даже не могу думать о том, чтобы сдать его. Лучше сосредоточусь на учёбе, когда здоровье улучшится.

Услышав это, лицо Чжуан Цинцзэ на мгновение исказилось, но он быстро взял себя в руки и с одобрением сказал:

— Каншэн, ты умный, учишься быстро, с академическим экзаменом проблем не будет. В отличие от твоих двух младших братьев, которые один за другим шкодят. Я думаю, они, вероятно, даже уездный экзамен не сдадут.

Цюй И, стоявший сзади, молчал, слегка опустив голову, стараясь быть как можно менее заметным.

Когда они немного поговорили, Цюй И тихо напомнил:

— Муж, пора пить лекарство.

Госпожа Чжуан поспешно отправила их в комнату, так как нельзя было пропускать приём лекарства, особенно после того, как он снова начал кашлять.

В доме Лянов только Лян Каншэн продолжал принимать лекарства, так как у отца Лян не было серьёзных проблем со здоровьем, только нога медленно заживала.

После того, как Лян Каншэн и Цюй И отвлекли внимание, Чжуан Цинцзэ не смог больше настаивать на обсуждении дел Цюй Сыню и его жены. Он поговорил на отвлечённые темы и ушёл, как обычно, унося с собой множество вещей.

Вернувшись в комнату и выпив лекарство, Лян Каншэн привёл себя в порядок:

— И-гэ, посиди в комнате, почитай книгу, а я пойду к родителям и объясню вчерашние события.

Не зная, что дядя наговорил родителям, нужно было всё прояснить, чтобы между семьями не возникло недопонимания.

— Хорошо, иди. — Цюй И последовал за ним, но, понимая, что родителям Лян будет неудобно задавать вопросы, он не стал вмешиваться.

В это время отец Лян и госпожа Чжуан тихо обсуждали произошедшее. Хотя они не придавали особого значения словам Чжуан Цинцзэ, но всё же дело касалось суда, а это не шутка.

Лян Каншэн пришёл как раз вовремя, чтобы развеять их сомнения:

— Отец, мать, сейчас я расскажу вам о вчерашних событиях.

Честно изложив ход событий, не упоминая своих догадок, Лян Каншэн подытожил:

— Отец, мать, вчера мы все изначально не знали, что происходит. Только в уездном управлении мы услышали, как бабушка И-гэ обвинила его родителей в неблагочестии. Я ничего особенного не сделал, просто высказал своё мнение.

<http://bllate.org/book/16698/1533554>